

С.А. Барков

В.И. Зубков

**МОНОЛОГИ
И ДИАЛОГИ
О ПОСТМОДЕРНЕ
И ПОСТМОДЕРНИЗМЕ**



Сергей Барков

**Монологи и диалоги о
постмодерне и постмодернизме**

«У Никитских ворот»

2019

УДК 658

ББК 84 (2Рос=Рус) 65.291.5

Барков С. А.

Монологи и диалоги о постмодерне и постмодернизме /
С. А. Барков — «У Никитских ворот», 2019

ISBN 978-5-00095-837-7

В настоящее время методологические проблемы познания становятся все более очевидными, и все активнее предпринимаются попытки разработать новые принципы осмысления реальности и структурирования ее объектов. Почему же сегодня востребованы новые подходы к познанию и организации знания? Как теория познания связана с новыми социальными практиками? Как новые социальные практики изменяют содержание здравого смысла? Что на самом деле означают всем хорошо известные понятия свободы, демократии и прогресса? На эти и многие другие вопросы пытаются найти ответы постмодернисты и авторы этой книги. Книга в основном написана общепонятным языком и содержит много интересных фактов, позволяющих по-новому взглянуть на современную науку и общественную жизнь. Для широкого, как профессионального, так и непрофессионального круга читателей.

УДК 658

ББК 84 (2Рос=Рус) 65.291.5

ISBN 978-5-00095-837-7

© Барков С. А., 2019

© У Никитских ворот, 2019

Содержание

Постмодернизм vs постиндустриализм (вместо введения)	6
1. Методология постмодернизма: сущность и критика	15
1.1. Классический постмодернизм, каков он есть (монолог)	15
Конец ознакомительного фрагмента.	25

С. Барков, В. Зубков
Монологи и диалоги о
постмодерне и постмодернизме

© Барков С. А., Зубков В. И., 2019

© Оформление. ИПО «У Никитских ворот», 2019

* * *

Постмодернизм vs постиндустриализм (вместо введения)

*Сейчас не бог любви, а бог познания
питает миллионов нищий дух,
и строит себе культовые здания,
и дарит муравьям крылатость мух.*

Социальные мыслители, желая подчеркнуть некоторые важные черты современности, предлагают для нее разнообразные названия – постиндустриальное общество, информационное общество, постэкономическое общество, общество «третьей волны», сетевое общество, кибернетическое общество, общество риска, и в том числе общество постмодерна. В этом ряду понятие «постиндустриальное общество» кажется наиболее укоренившимся, хотя и вызывающим ожесточенную критику как приверженцев других названий, так и тех, кто работает в научных парадигмах, в которые это понятие не вписывается или в которых оно приобретает явно негативную окраску.

Очевидных причин укорененности данного понятия в сознании как ученых, так и простых людей три. Во-первых, оно было первым из придуманных для обозначения особого современного этапа развития капиталистического общества¹. Если с этим кто-то и поспорит, то бесспорным является то, что именно это понятие было первым, получившим широкую, можно сказать, всемирную известность. Во-вторых, «постиндустриальное» – это красивое и необычное слово. В эпоху постмодерна становится очевидным, что красота научных понятий играет немаловажную роль в их распространении. И, в-третьих, это понятие сразу отсылает к главной причине выделения особого типа общества: в таком обществе преодолена зависимость человека от промышленности. А промышленность, индустрия в обыденном сознании всегда ассоциировались с копящими небо заводами, рычащими и пахнущими машинным маслом механизмами, бездушным конвейером и др. В результате постиндустриальное общество изначально воспринималось как некий «светлый образ», вызывающий положительные эмоции.

Д. Белл, создавший целостную теорию постиндустриального общества, в 1960–70-е годы определял его сущность через преобладание сферы услуг над промышленностью и сельским хозяйством. В экономическом плане оно выражается в доле оказанных услуг в ВВП, в социальном плане – в количестве занятых в этом секторе. Именно так и трактует постиндустриальное общество финансовый словарь². В другом популярном интернет-словаре имеется, казалось бы, небольшое, но очень значимое уточнение к этому определению: «Ведущую роль в постиндустриальном обществе приобретают сфера услуг, наука и образование...»³. В третьем справочном издании дается еще более важное дополнение: «В постиндустриальном обществе выдвигается на первый план сфера услуг, в которой центральное место занимают наука и образование (университеты)...»⁴. Наконец, в свободной энциклопедии – Википедии – дается определение, в котором достигают апогея ассоциации постиндустриального общества не со сферой

¹ Понятие было введено в научный оборот еще в начале XX века цейлонским философом и эзотериком Анандой Кумарасвами. В современном значении это понятие впервые было применено в конце 1950-х гг., а всемирную популярность приобрело после выхода в свет книги Дэниела Белла «Грядущее постиндустриальное общество» в 1973 г.

² См.: Постиндустриальное общество // Словари // Финам. URL: <https://www.finam.ru/dictionary>.

³ Постиндустриальное общество // Современный толковый словарь изд. «Большая Советская Энциклопедия» // Classes.ru. Иностранные языки для всех. Словари онлайн. URL: <https://classes.ru>.

⁴ Постиндустриальное общество // Современная энциклопедия // Академик. URL: <https://dic.academic.ru>.

услуг, а с наукой и инновациями: «Постиндустриальное общество – общество, в экономике которого преобладает инновационный сектор экономики с высокопроизводительной промышленностью, индустрией знаний, с высокой долей в ВВП высококачественных и инновационных услуг»⁵. Здесь бросается в глаза явное «диалектическое противоречие»: если в первом определении постиндустриальное общество противопоставляется промышленности, тем более индустрии, то в завершающем оно уже прямо ассоциируется с промышленностью, правда, высокопроизводительной, а сфера услуг оказывается даже не на втором, а на третьем по значимости месте.

Объяснить такие «кульбиты» в трактовке постиндустриального общества достаточно просто. В сферу услуг попадают самые разные, в том числе и традиционные, не требующие особых навыков виды деятельности. Сфера услуг – это не только программирование или создание дизайна высокотехнологичной продукции, но и работа парикмахера, электрика, сантехника и даже ассенизатора. Однако создатели социологических концепций всегда хотели включить в них некий идеологический подтекст. В данном случае нужно было во что бы то ни стало доказать, что развитие от доиндустриального к постиндустриальному обществу идет по прогрессивной траектории. Люди-де становятся при этом умнее и совершеннее, а их труд сложнее и эффективнее. И вот здесь со сферой услуг и вышла концептуальная «закавыка». Разве можно доказать, что труд крестьянина проще труда массажиста, официанта или заправщика на бензоколонке? Кроме того, люди именно таких приземленных, а совсем не возвышенных профессий преобладают в экономиках развитых стран. Да и большинство офисных работников по сложности своего труда не далеко ушли от крестьян и фордовских рабочих.

Но создававший свою теорию в эпоху модерна Д. Белл обязательно хотел доказать прогрессивность преобразований в обществе. Будучи марксистом в начале своего творческого пути, он впитал в себя модернистский или даже модернизаторский стиль осмысления жизни. Собственно и его линейная концепция развития общества в немалой степени повторяла строгую сталинскую «пятичленку» (первобытнообщинное – рабовладельческое – феодальное – капиталистическое – коммунистическое общество) или менее строгую периодизацию К. Маркса, включающую наряду с другими (в не совсем понятном месте единой линии социального развития) общество с «азиатским» способом производства. Отсюда и брали начало попытки представить сферу услуг чем-то высшим по сравнению с сельским хозяйством и промышленностью. Сделать это можно было, только связав эту сферу с таким «высшим» проявлением человеческой деятельности как наука. О том, является ли наука высшим среди других занятий людей, в этой книге будет сказано немало, но бесспорно то, что наука даже в самых простых своих проявлениях сложнее труда крестьянина или рабочего и требует от человека специфических способностей и множества сложных умений (как теперь говорят – компетенций). Именно поэтому в определениях постиндустриального общества наука сначала занимает «центральное место» в сфере услуг (хотя представить себе науку в центре ресторанного дела, клининга, доставки товаров и подстригания газонов как-то сложно и нелогично), а затем почти полностью вытесняет последнюю, и постиндустриальное общество начинает ассоциироваться в первую очередь с триумфом науки, техники и технологии.

Изменение смысла понятия в нейтральной статистической и идеологически нагруженной интерпретациях постиндустриального общества очевидно. Поэтому некоторые ученые попытались завуалировать такую подмену понятий или представить дополнительные аргументы в пользу сложившегося положения вещей. Наиболее простым было разделить сферу услуг на части и выстраивать линию прогрессивного развития уже из них. Так, трехсекторная модель Фишера-Кларка, включающая первичный (сельское хозяйство), вторичный (промышленность) и третичный (услуги) сектора, была дополнена четвертичным и пятеричным секторами эко-

⁵ Постиндустриальное общество // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Постиндустриальное_общество.

номики⁶. К четвертичному сектору отнесли юридические, финансовые, информационные и консалтинговые услуги, оказываемые в первую очередь бизнесу. В пятеричный сектор вошли услуги для населения, требующие высокой квалификации – медицина, образование, административное обслуживание и др. Но совершенно очевидно, что выстроить прогрессивную траекторию из третичного, четвертичного и пятеричного секторов невозможно, так как услуги, распределенные по ним, нельзя назвать высшими и низшими.

Более изощренной попыткой обосновать высшее положение постиндустриального общества по отношению к предшествовавшим ему типам обществ явилась замена конституировавшей его науки на творчество. В последние десятилетия она предпринималась не только в социально-философских, но и во многих вполне конкретных концепциях, описывающих различные стороны жизнедеятельности современного общества, в частности, в ряде концепций менеджмента. Сама логика такой замены весьма показательна, поэтому остановимся на ней более подробно.

Во множестве теорий о развитии общества присутствует эволюционная логика, заложенная еще в эпоху Просвещения и наиболее последовательно использованная Ч. Дарвином в теории развития биологических видов. Их эволюция заканчивается появлением человека. Поэтому у Дарвина не было необходимости домысливать нечто о будущем развитии живого на нашей планете. А вот философам и социологам это приходится делать, и иногда аналогии с биологией помогают интерпретировать и даже прогнозировать некие социальные параметры. Одной из возможных тактик в предсказании высшей стадии развития человечества стала апелляция к эволюционному правилу: в онтогенезе отражается филогенез, т. е. каждое живое существо (в том числе и человек) в своем индивидуальном развитии повторяет развитие вида, к которому принадлежит. В социальной мысли данная закономерность подверглась инверсии, и ученые попытались вывести черты высшей стадии развития общества по аналогии с высшей стадией развития личности. Но что следует считать такой высшей стадией? Здесь как раз и возникло негласное единство в том, что вершиной развития личности является ее творческая активность. Если человечество способно преобразовать окружающий мир, то высшая заслуга отдельного человека – внести свою лепту в это преобразование.

Наиболее популярную эволюционную концепцию этого плана предложил сын уроженцев Российской империи, проживший всю сознательную жизнь в США (воспитанный в англосаксонской культуре), Абрахам Маслоу. Его иерархия потребностей – от физиологических потребностей до самореализации (самоактуализации), т. е. творчества – задает очень понятный вектор развития личности. Выстраивая свою пирамиду, он, правда, утверждал, что на ее вершину поднимаются далеко не все люди, что подлинных творцов в мире мало. Собственно именно поэтому он и изобразил свою иерархию в виде пирамиды: если физиологические потребности свойственны всем людям, то потребность в творчестве – только немногим. Но, так или иначе, направление индивидуальной эволюции человека было задано.

В XXI веке произошел синтез эволюционных теорий отдельного человека и общества в целом, и постиндустриальное общество стало представляться социальной системой, где на последнюю ступень пирамиды Маслоу поднимается все большее количество людей. Наиболее удачно эту идею изложил Д. Пинк в книге «Нация свободных агентов», в которой он жестко противопоставил протестантскую трудовую этику, свойственную раннему капитализму, мотивации человека постиндустриального общества. Последняя связана с творением нового, с самореализацией, т. е. с подъемом на вершину пирамиды. По Пинку, «...кальвинистские ценности и порожденная ими трудовая этика иногда превращались в “железную клетку”, с которой можно было мириться, если не было другой возможности. Когда в новых возможностях нет

⁶ См., например: Типология Фишера-Кларка экономической деятельности города // EcoUniver. URL: <https://ecouniver.com/1716-tipologiya-fisheraklarka-yekonomicheskoy.html>.

недостатка (т. е. в постиндустриальном обществе. – *Авт.*), эта “клетка” становится настоящей тюрьмой. В конце концов, трудно карабкаться по пирамиде Маслоу, если вы заперты в клетке Вебера»⁷.

Получается, что практически все «развитые» люди «развитого» постиндустриального мира должны быть охвачены творческим порывом. Такое толкование очень хорошо вписывается в господствующий сегодня демократический принцип эгалитаризма. Идея равенства людей уже на подсознательном уровне стала восприниматься как один из аспектов научности и достоверности в суждениях о социальных явлениях и процессах. В конце концов, принцип равенства был распространен и на творчество: оно теперь якобы стало свойственно всем людям. Но можно ли представить себе мир, состоящий из одних творцов? Реальная общественная практика опровергает подобные представления.

Во-первых, даже на уровне обыденного сознания понятно, что отнюдь не все люди способны к творчеству – умеют и хотят творить. Есть большая когорта, что называется, чистых исполнителей, а есть и люди, просто неспособные к высококвалифицированному труду. Вообще обыденное сознание воспринимает способность к творчеству как некий дар, очень неравномерно распределенный между людьми. И утверждая противоположное, наука якобы подчеркивает свой высший статус. Во-вторых, для реализации творческих идей творцу необходимы исполнители – возможно тысячи людей, которые не могут и не должны изменять первоначальный замысел. Они, образно говоря, просто выступают в качестве рук, ног, глаз, а иногда и мозгов творца. Но ни одна из этих ролей не подразумевает создания чего бы то ни было нового. В-третьих, само поддержание жизнедеятельности человечества требует усилий множества людей, которые должны изо дня в день выполнять свои обязанности, никоим образом не отклоняясь от шаблона.

В сфере обеспечения жизни людей основным императивом всегда будет безопасность, а не творчество. В любом современном обществе – называется оно постиндустриальным или нет – миллионы людей должны просто выполнять свои обязанности для поддержания нормальной инфраструктуры самой жизни. Все сложные технологические комплексы, поддерживающие современную жизнь, действуют на основе строго стандартизированных процедур, и только у высших менеджеров, да и то в очень ограниченном объеме, появляется возможность принятия по-настоящему творческих решений.

В России вследствие тяжелых климатических условий и размеров страны чуть ли не большая часть населения прилагает свои трудовые усилия для поддержания нормальной жизни. Например, сегодня в России насчитывается три четверти миллиона железнодорожников. Многие из них вполне могли бы заняться творческой деятельностью. Но как творчески переключать стрелки на железной дороге? То же самое можно сказать и об энергетике, особенно, атомной, о системе ЖКХ, отрасли связи и многом другом.

И все-таки следует признать, что понятие творчества значительно демократичнее понятия науки. Творчеством может заниматься и повар, и парикмахер, и даже слесарь. Именно поэтому слово «креативность» сегодня стало столь популярным. Фактически, ряд современных авторов говорит о том, что центральное место в структуре постиндустриального общества занимают творчество и творческие люди. Наиболее последовательно эту мысль развил В. Л. Иноземцев, автор концепции постэкономического общества. Описывая процесс его становления, Иноземцев писал: «Важнейшей чертой этого процесса становится преодоление труда как утилитарной активности и замена его творческой деятельностью, не мотивированной материальными факторами»⁸. Главные ценности общества такого типа создаются не трудом,

⁷ Писк Д. *Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки*. М.: Секрет фирмы, 2005. С. 72.

⁸ Иноземцев В. Л. *Концепция постэкономического общества*. URL: <http://www.nir.ru/sj/sj/4inoz.htm>.

а творчеством, поэтому в экономике начинают править бал «креативные корпорации». «Продукты креативной корпорации, как правило, представляют собой качественно новые информационные продукты и услуги... В этом отношении креативные корпорации играют в развитии современного общества гораздо более важную роль, нежели традиционные или адаптивные корпорации, так как формируют новые потребности и определяют новые цели общественного производства»⁹.

Творческих людей действительно гораздо больше, чем ученых. Поэтому интерпретация постиндустриального общества с акцентом на центральном месте в нем творческой активности, выглядит более приемлемой, чем выделение науки в качестве наиболее значимого сектора сферы услуг. Р. Флорида в своей книге «Креативный класс» описывает три уровня этого класса: ядро – мыслители, носители идей (thinkers); креативные специалисты – деятели, способные реализовать идеи, как чужие, так и свои (makers); энтузиасты – вовлеченные по различным убеждениям в процесс креативной деятельности (involvers)¹⁰. Поэтому, по мнению Флориды, к творческому классу сегодня относятся многие миллионы людей. Но все же с демократичностью и реалистичностью концепции постиндустриального общества дело обстоит не так просто.

Постиндустриализм в любой из своих версий имеет родимые пятна веры в прогресс. А такая вера всегда подразумевает иерархию людей и сообществ: одни достигли высшей стадии развития (приобщились к прогрессу), другие – нет; одни царствуют на вершине пирамиды, другие копошатся внизу. Насущным вопросом нашей эпохи является вопрос о причине неравенства доходов людей в разных странах. Примитивный ответ на него, сводящийся к тому, что в одних странах люди трудятся больше, а в других меньше, уже никого не удовлетворяет. И постиндустриализм, воспевающий творчество, оказался очень удобной доктриной для объяснения этого неравенства.

Ситуация сложилась следующим образом: доходы людей – даже не работающих – в развитых странах во много раз превышают доходы квалифицированных работников в странах развивающихся. Поэтому элита Запада должна была позаботиться о том, как объяснить эту ситуацию, скрыв ее реальные не слишком презентабельные причины и следствия. Согласно постиндустриализму, в современном обществе богатство создается, прежде всего, творчеством. Главные экономические успехи достигаются работой с символами, а не с вещами. За идеи и нематериальные активы платят больше, чем за продукцию, в которую они воплощены. Оперирование же идеями происходит в развитых странах. Здесь сконцентрирована творческая активность всей планеты. Поэтому-де вполне справедливо, что население этих стран богаче других. Хотя старая американская поговорка гласит: «Доллар тому, кто придумал; десять тому, кто сделал; сто тому, кто продал», сторонники постиндустриализма считают, что в настоящее время нужно радикально изменить эти пропорции. Сто долларов должен получать придумавший, примерно столько же торгующий (ведь продажа также представляет собой некое экономическое творчество), а вот сделавший может удовольствоваться и долларом.

Теперь становится понятным, насколько далеко ушла идеология постиндустриального общества от первоначальной версии этой теории, просто констатировавшей, что на рубеже 1960–70-х годов в Америке в сфере сервиса людей стало работать больше, чем в промышленности. Западные адепты теории нагрузили ее нужным для себя содержанием. Главное, что в нее было добавлено – это распространение творческой активности на широкие массы людей, практически на всех тех, кто живет в развитых странах и имеет высшее образование. При этом сама идея расширения творческой активности представляется весьма плодотворной и имеющей под собой реальные изменения в жизни людей, но ее никак нельзя воспринимать в том

⁹ Иноземцев В. Л. За десять лет. К концепции постэкономического общества. М.: Academia, 1998. С.341.

¹⁰ См.: Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М.: Классика-XXI, 2005. С. 22–27.

плане, что в странах «золотого миллиарда» теперь живут миллионы творцов, берущих за свои изыскания дань со всего мира.

Но вернемся на шаг назад к наиболее популярной интерпретации постиндустриального общества, ставящей во главу угла первостепенное значение науки и техники. Именно эта интерпретация позволяет вскрыть главное противоречие современного этапа развития человечества. Она очень близка мировоззрению ученых-естественников, технократов и политиков. Все они верят в то, что поступательное развитие общества неразрывно связано с техническим прогрессом. Сегодня этот прогресс в наибольшей степени обеспечивается компьютерными технологиями. Чем больше цифровизации, тем больше постиндустриализма! Этот лозунг как нельзя лучше выражает настроения значительной части общества. Ее представители испытывают нескрываемое удовольствие, а иногда даже экстаз при появлении нового гаджета или новой технологии. Они все еще верят в то, что техника, особенно самая современная, сделает мир лучше. И пока именно эти люди оказывают наибольшее влияние на развитие стран и народов. Однако в недрах социально-гуманитарных наук и на их стыке с искусством в последние десятилетия вышло совсем другое – скептическое – отношение к науке и технике. Во многом оно и сформировало постмодернизм.

Понятия «постиндустриальное общество» и «общество постмодерна» нередко используют как синонимы. По аналогии часто не видят существенной разницы и между постиндустриализмом и постмодернизмом. Этому способствовали высказывания ряда влиятельных ученых, в частности Ж.-Ф. Лиотара. «Постиндустриалистские теории, теории информационного общества, даже постмодернистские теории общества с легкой руки Ж.-Ф. Лиотара стали фактически различного рода теориями “общества знания”, в рамках которых распределение социальных статусов, система социального неравенства строились на основе таких ресурсов как знание и уровень образования»¹¹. Однако это не так. Постиндустриализм верит в науку и прогрессивное развитие общества на основе ее достижений, тогда как постмодернизм, напротив, выражает явный скепсис по отношению к научному познанию и возможности изменить мир посредством технических инноваций.

Уже давно известно, что научные изобретения одинаково могут служить и добру, и злу, как мирный и военный атом. Вообще же все достижения науки и техники на протяжении веков имели в первую очередь военное применение, расширяя возможности убийства людей. Правда, наука в этом смысле могла и «реабилитировать» себя. Так, после изобретения зарина и зомана в качестве антидота стал использоваться пенициллин. Однако постмодернизм заметил и другое. Современные технологии сделали возможным то, о чем люди еще недавно могли только мечтать. Однако реальное воплощение мечты может существенно отличаться от мечты как таковой: это воплощение всегда обрастает множеством обстоятельств, которые не учитывались мечтателями. Так, избавление от тяжелого физического труда, будучи давней мечтой человечества, на практике обернулось «сидячим образом жизни» и стало источником множества болезней. Избавление же от рутинной умственной активности в эпоху цифровизации вызвало у людей деградацию памяти и некоторых других мыслительных функций. Вполне возможно, что скоро нужно будет создавать специальные методы поддержания тонуса мышления человека, подобно тому, как сегодня в фитнес-зале он поддерживает тонус мышц.

Важнейшее социальное противоречие нашей эпохи можно парадоксальным образом сформулировать как противоречие между постиндустриализмом и постмодернизмом. Восторг от науки и скепсис по отношению к ней диалектическим образом переплелись в сознании современного человека. Но в отличие от наших предков эпохи модерна мы не можем не видеть отрицательных сторон научно-технического прогресса, который уже угрожает самому суще-

¹¹ Полякова Н. Л. Новые горизонты теории общества начала XXI века: от постиндустриализма к неокapитализму // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология, 2016. № 2. С.84.

ствованию человечества. Кроме того, познавательная деятельность сегодня служит доминированию одних людей над другими, и в первую очередь доминированию западной цивилизации над остальными культурами мира. И все же пока еще правительства большинства стран видят свое предназначение в содействии прогрессу. В науку и технику вкладываются ни с чем не сравнимые средства, идущие в первую очередь на прогресс вооружений и в качестве некой «экстерналии» – на улучшение жизни и быта людей.

Современное состояние борьбы между постиндустриализмом и постмодернизмом можно охарактеризовать как явное доминирование постиндустриализма в социальных практиках людей при наличии весьма яркого фантома постмодернизма, поскольку постмодернистские настроения постоянно проникают в науку, искусство и обыденное сознание людей. Даже в Голливуде, последовательно пропагандирующем технологический прогресс, вдруг возникают постмодернистские мотивы. По содержанию некоторых фильмов вдруг оказывается, что дауны или аутисты представляют собой высшие существа по сравнению с обычными людьми. Можно ли было представить себе это в расцвете эпохи модерна с ее безапелляционной верой в разум? Уже совсем другое отношение проявляется к австралийским аборигенам и другим сообществам, предпочитающим первобытный способ существования. Если ранее по отношению к ним по большей части высказывалась жалость (ну, что поделаешь, отстали от нас ребята), то сегодня за ними признают определенную «правду жизни». Оказывается собирательство и охота в условиях Австралии оправданы тем, что оседлое сельское хозяйство способно полностью уничтожить природную среду. Таких примеров много, и все они могут быть названы фантомами постмодерна.

Однако определенная часть современной элиты была бы рада, чтобы базовые социальные практики подчинялись принципам постмодернизма, а постиндустриализм стал бы фантомом, проявляющим себя лишь в отдельных сферах жизни. Но пока такое состояние общества кажется маловероятным или очень-очень далеким.

Основным предметом предлагаемой вашему вниманию книги является не совокупность текстов тех, кто считает себя постмодернистами, или тех, кого все считают таковыми, а особый стиль мышления, специфические принципы структурирования мыслительных объектов, противоположных модернизму.

Постмодернизм отличается жестким критическим пафосом по отношению ко всему тому, что было до него в познавательном процессе, и изобретением массы специфических понятий и категорий, которые якобы дают возможность некой новой постановки проблемы жизни человека и восприятия им окружающей реальности. Фактически, причастность к постмодернизму сегодня часто выражается в освоении его специфического языка, пригодного только в рамках его традиционного проблемного поля. И хотя введение новых категорий в какой-то степени заставляет переосмысливать имеющиеся знания под новыми углами зрения и расставлять новые акценты, сложность постмодернистской терминологии часто затемняет вполне очевидный смысл того, о чем идет речь.

В реальности же сегодня мы имеем формирование нового отношения к жизни и познанию, которое постепенно, подобно ростку сквозь асфальт, пробивается через привычные модернистские постулаты. Ярким примером «действенного постмодернизма» служит освоение государственными и корпоративными управляющими элитами нового «выставочного» стиля мышления, который позволил им отойти от исчерпавшего себя традиционного понимания социального управления и использования его методов на практике. Другим заметным явлением современной жизни, демонстрирующим отказ от ценностей модерна, становится дауншифтинг. Конечно, формирование нового мышления только начинается, и большинство людей все еще починаются модернистским догматам, но все же среднестатистический житель Земли в нашем веке мыслит уже не так, как это делал его предшественник сто и даже пятьдесят лет назад.

Вместе с тем в мировоззрении и гносеологии постмодернизма многое «новое» – это хорошо забытое старое, есть неоригинальные элементы, разработанные в рамках других современных философских подходов, есть позиции, неоправданно затрудняющие процесс познания и понимания мира, а есть и мысли, высказанные просто «ради красного словца» – критиковать, так критиковать. Покажем это на примере постмодернистской гносеологии.

Социально-философский постмодернизм возник на основе постструктурализма и постмодернистского искусства, и, судя по названию, должен был преодолеть модернизм. Однако основные программные положения постмодернизма можно обнаружить именно в модернистском искусстве. Вот как характеризуют М. Лотман и З. Минц модернизм в русской литературе первой четверти XX века.

«Одной из устойчивых и центральных тем русского декадентства¹² был релятивизм: истин в жизни много и ни одна из них не лучше другой. Поэт может выбирать любую из них и менять истины по своему произволу»¹³. «Другой важной особенностью ... символизма был его крайний, можно сказать, обостренный индивидуализм. Он ... был связан с идеями Ницше, для которого наибольшей ценностью обладала ничем не ограниченная, абсолютная свобода творческой личности.»¹⁴ Искусство и наука XIX века исходили из рациональности мира и его познаваемости посредством разума. В модернизме «одни течения стали строить свою эстетику на иррационалистической, а иногда и мистической основе, другие же стремились к учету новейших научных достижений, к синтезу искусства и науки (...)»¹⁵.

Здесь присутствуют и предельный либерализм творца, и относительность любой истины, и равнозначность и интеграция познавательных систем, а значит и неприемлемость иерархий в познании – то есть те принципы, которыми, как мы увидим далее, и руководствуются постмодернисты.

Характерной чертой модернистского искусства XX века также было возрождение интереса к мифологии. «Мифологический текст отличается от литературного произведения не столько своим содержанием, сколько своим отношением к миру. Литературный текст имеет начало и конец, у него есть автор и читатель; то, что он описывает, может быть правдой, но может и содержать различные формы вымысла, причем предполагается, что читатель в принципе отличает правду от вымысла... Миф же не имеет ни начала, ни конца, он принципиально открыт, и в него могут включаться все новые элементы. Миф не знает разграничения автора и читателя; его не создают и не читают – его творят, им живут. Миф разыгрывается в ритуале, и каждый участник ритуала – творит миф. Про миф нельзя сказать, правда это или выдумка, так как миф строится по особой логике, в которой не действует закон противоречия».¹⁶ В целом: «Символистская поэзия требовала от читателей большей напряженности мысли и чувства, более активного и творческого взаимодействия с текстом. Читатель становится как бы соавтором, а восприятие стихотворения – творческим процессом».¹⁷

В приведенном сравнении мифологического текста с литературным произведением узнаются отличия нарратива (постмодернистского текста) от классического произведения. Творцами нарратива являются рассказчик и каждый из слушателей (читателей), и каждый из соавторов имеет свою интерпретацию обсуждаемой темы. Любой нарратив имеет открытую сущность, поскольку является комбинацией элементов уже существующих текстов, и предпосылкой для создания будущих. Нарративы содержат многочисленные референции, отсылки,

¹² *Декадентством* назывался ранний символизм, символизм – одно из направлений модернизма.

¹³ *Лотман М., Минц З.* Статьи о русской и советской поэзии. Таллинн: Ээсти раамат, 1989. С. 47.

¹⁴ Там же. С. 45.

¹⁵ *Лотман М., Минц З.* Цит. соч. С. 19–20.

¹⁶ Там же. С. 58.

¹⁷ Там же. С. 44.

ссылки на множество источников, поэтому для того чтобы понять конкретный текст, нужно иметь в виду десятки других. В предельном выражении: весь мир – один текст.

Таким образом, постмодернизм является противоречивым феноменом. И это вполне естественно, поскольку в жизни нет ничего идеального, а любой позитив имеет и свою негативную сторону. Тем не менее, часть наших друзей и коллег являются настоящими адептами постмодернизма, а другие не придают ему практически никакого значения. Именно эта диалектика мнений и подвигла нас к написанию данной книги.

Книга состоит из монологов и диалогов. В форме монологов представлены самые заметные сегодня проявления постмодернистского сознания, которые авторы попытались изложить максимально объективно и, насколько это возможно, безоценочно. Наиболее спорные, на наш взгляд, гносеологические и прикладные проблемы постмодернизма обсуждаются в диалоговой форме под рубриками *PRO* и *CONTRA*. Конечно, в диалогах, играя взятые на себя роли, мы несколько перегибали палку, но, что поделаешь – *noblesse oblige* (положение обязывает). Все разделы книги предваряют «гарики» – четверостишия Игоря Губермана, которые он написал, словно бы зная замысел нашей книги¹⁸.

В рамках общего плана книги авторы придерживаются свободного изложения, касаются смежных проблем, делятся своими жизненными наблюдениями. Тем самым читатель приглашается к откровенному разговору о «постмодернистской ситуации», которая, безусловно, является заметным, но далеко не однозначным явлением в современной науке и культуре.

¹⁸ Губерман И. Гарики на каждый день. Т.1. М.: МП «ЭМИА», 1992; *Он же*. Лавровый венок я отправил на суп... Гарики. Т.1. М.: Эксмо, 2014.

1. Методология постмодернизма: сущность и критика

1.1. Классический постмодернизм, каков он есть (монолог)

*От точки зрения смотрящего
его зависит благодать,
и вправду он орла парящего
жуком навозным увидать...*

Мыслители, которые писали о человеке и обществе в XIX веке, старались представить свои рассуждения в виде некоей целостной и абсолютно логично выстроенной картины, которая, как считалось тогда, уже сама по себе оправдывает свое существование и должна быть истинной, потому что логична. Такое сознание сегодня часто именуют модернистским. Его дополнительными атрибутами являются вера в разум человека и прогресс, по крайней мере, прогресс знания. При этом и то, и другое может подвергаться умеренной критике, но не должно отвергаться в принципе. Понятно, что разум человека не всемогущ, но все-таки он способен познать наиболее важные и существенные вещи в мире.

Модернизм как доминирующее направление в культуре, сформировавшееся в конце XIX века, во второй половине XX века стал подвергаться критике другими культурными концепциями и социальными теориями – и последовательней всего – постмодернизмом.

В большинстве источников отсчет существования постмодернизма ведется с литературоведческой статьи Лесли Фидлера «Пересекайте границы, засыпайте рвы», опубликованной в последнем номере журнала «Плейбой» (!) за 1969 год. Действительно, после этой статьи понятие «постмодернизм» прочно вошло в интеллектуальную моду¹⁹. Однако это понятие («постмодернисимо») в литературоведческом ключе применял Ф. де Онис в своей книге «Антология испанской и латиноамериканской поэзии» уже в 1934 году²⁰. Введено же в научный оборот оно было еще раньше – в годы Первой мировой войны философом Р. Панвицем в ряде эссеистических произведений, в частности в работе «Кризис европейской культуры» (1917). Из названия и содержания этой работы явствует, что Панвиц употреблял понятие «постмодернизм» в широком культурологическом смысле.

Понятия «модерн» и «постмодерн» («пост-модерн») были обоснованы в опубликованных после Второй мировой войны томах труда А. Тойнби «Постижение истории»²¹. Помимо историко-культурологического анализа в нем содержится и социологический анализ, в соответствии с которым модерн и постмодерн в частности различаются классовой и национальной структурой.

Наконец, в конце 1970-х годов постмодернизм и постмодерн получили социально-философское осмысление в книге «Состояние постмодерна» Ж.-Ф. Лиотара²², который проанализи-

¹⁹ Справедливости ради следует признать, что еще больший резонанс в интеллектуальных кругах Запада вызвали статья «Взлет архитектуры постмодернизма» (1975) и книга «Язык архитектуры постмодернизма» (1977) Ч. Дженкса.

²⁰ См.: Welsch W. «Postmoderne». Genealogie and Bedeutung eines umstrittenen Begriffs // «Postmoderne» oder der Kampf um die Zukunft / Hrsg. von Peter Kemper. Frankfurt am Main, 1988. S.111–112.

²¹ См., например: Toynbee A. Study of History. Vol. XVIII: Heroic Ages; Contacts between Civilizations in Space (Encounters between Contemporaries). Oxford University Press, 1954. Кстати, по Тойнби, эпоха постмодерна начинается в последней четверти XIX в.

²² См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998.

зировав состояние знания и образования в современных наиболее развитых обществах и подверг критике их рационализм и прогрессизм, а также развенчал человека массовой культуры и массового потребления второй половины XX века. Именно с момента опубликования работы Ж.-Ф. Лиотара категории «постмодернизм» и «постмодерн» формально становятся общекультурными и общенаучными категориями в области осмысления современности.

Объективными предпосылками возникновения постмодернизма как социальной теории явились: (1) кризис тоталитаризма как общества, воплотившего в себе идеалы классической науки и утопического сознания; (2) противоречие между глобализацией мира и идентичностью конкретных сообществ и вытекающий из этого противоречия кризис «больших идей», якобы пригодных везде и всегда; и (3) массовый скептицизм по отношению к науке, которая не в состоянии решить фундаментальные проблемы современности. Рассмотрим более подробно эти взаимосвязанные предпосылки.

Начиная с возникновения первых социальных идей, их авторы пытались сформулировать принципы построения «правильного» общества на основе научной рациональности. Иерархия и «идеальная бюрократия», централизованное планирование и управление – все эти черты рационализма в социальной мысли и практике достигают своего апогея в *тоталитаризме*.

Тоталитаризм был столь же рационален и столь же принадлежал эпохе модерна, как принадлежат ей научно-технические достижения, крупные промышленные корпорации и гигантские партийные машины. Ростки тоталитарных тенденций можно было наблюдать практически во всех странах, и даже в тех, которые демонстративно противопоставляли себя тоталитарным режимам середины XX века. «Хотя мы не хотим этого признавать, – пишет Роберт Нисбет, – первым несостоявшимся прецедентом тоталитарного государства были Соединенные Штаты в 1917–18 годах после присоединения к союзникам в войне против Германии. Даже для кайзеровского военно-политического режима, не говоря уже об Англии и Франции, не была характерна та степень тоталитарности, которая была достигнута в Америке в исключительно короткие сроки сразу после объявления войны»²³. В то время в США промышленно-трудовые советы полностью контролировали вопросы заработной платы и цен, а любой человек мог быть схвачен и брошен в тюрьму по подозрению в «прогерманизме», поскольку в обществе господствовал дух священной борьбы за великие моральные ценности.

Уже одни только тоталитарные тенденции позволяют видеть амбивалентность аргументаций тоталитаризма. С одной стороны, как наиболее рациональный строй он является продуктом общественного сознания научного типа, и потому отрицает мифологию и религию. Вначале было противопоставление квазирелигиозного Культа Верховного Существа христианству и культу Разума времен Великой французской революции, но к XX веку тоталитаризм стал воинствующим атеизмом, т. е. культом разума. В СССР – культом учения Маркса, которое, по Ленину, «всесильно, потому что оно верно», и культом мудрости вооруженной этим учением КПСС и ее вождей. Но культ Бога, культ научной идеи или культ личности все равно остаются культурами, а это значит, что идеология тоталитаризма имеет почти религиозное содержание.

Обладая собственной религией современного типа, тоталитаризм создает особого рода людей, чей менталитет целиком подчинен этой религии и которые готовы на все ради торжества ее (своих!) идей. Появление различных мнений, даже самого незначительного плюрализма грозит тоталитаризму гибелью. Поэтому каждый член общества небезразличен тоталитарной власти: каждый таит в себе опасность бунта, каждый должен быть под контролем и вместе со всеми. Вследствие этого тоталитарное государство уподобляется церкви с мощным институтом инквизиции для борьбы с ересью. Вместе с тем единение граждан с государством дает им гарантию духовной, социальной и политической защищенности.

²³ Nisbet R. A. The Making of Modern Society. N.Y.: NYU Press, 1986. P. 182.

Тоталитаризм как этатизм, возведенный в абсолют, подрывает естественную эволюцию общества, состоящего из относительно автономных социальных образований и социальных процессов, а его «рационализм» стремится сломать наследие многовековых традиций. По Ф. Хайеку: «Требования социализма (в данном случае читай – тоталитаризма. – *Авт.*) не выводимы как моральный итог из традиций... Скорее они являются попыткой разделаться с этими традициями, заменив их рационально сконструированной системой морали, притягательность которой кроется в том, что обещаемые результаты отвечают инстинктивным влечениям человека»²⁴.

Идеология и структура тоталитарного государства тесно связаны с *социальной утопией*. Примечательно, что первую утопию создал родоначальник традиционного научного метода Платон. И на протяжении нескольких столетий эпохи Возрождения и Нового времени, когда этот метод праздновал безраздельную мировоззренческую победу, в жанре утопии были созданы сотни произведений. Но и в Древней Греции, и в Новое время в случае с утопиями мы имеем дело с неким симбиозом научного и мифологического сознания.

Утопии создавали рационалистически ориентированные ученые, идеализировавшие традиционную науку и как ее реальное воплощение – институт организации. Самое лучшее, целесообразное устройство общества в утопиях, начиная с платоновского «Государства», мыслилось как абсолютное главенство организационных принципов и недопущение спонтанности, неопределенности, противоречивости. В утопиях все элементы общественной жизни – политика, экономика, искусство, семья, досуг централизованно и рационально управляются. Общественный организм предстает здесь в виде предельно отрегулированного часового механизма, в котором все винтики и шестеренки работают в абсолютном согласии друг с другом. В таком обществе всегда существует четкая иерархия, где высшие позиции занимают философы, идеологи, мудрейшие члены общества, по определению приобщенные к тайнам науки, а значит и жизни. Нередко ученые, в реальности не имевшие достаточно высокого социального статуса, грезили об обществе, где именно они оказались бы на вершине власти. А для реализации этой мечты нужно было подчинить жизнь требованиям науки, «жрецами» которой они являлись.

Один из известных исследователей утопии как квазинаучного жанра Е. Шацкий указывает, что утопия для ученого – это мысленный эксперимент. «Определенную разновидность утопий... можно рассматривать как доведение до крайних логических последствий явлений, реально существующих в обществе, или, другими словами, как гипотезу о перспективах его развития. Даже там, где мы не имеем дела с подробно описанной моделью утопического общества, обычно встречаются многочисленные предположения о том, какие последствия повлечет за собой установление или упразднение тех или иных общественных институтов»²⁵. Осознание негативных последствий построения общества на логически непротиворечивых основаниях привело к проведению мысленных экспериментов «наоборот» и созданию антиутопий типа «Мы» Е. Замятина и «1984» Дж. Оруэлла.

Следует обратить внимание на то, что в истории человечества фактически не было рыночных утопий, поскольку в саморазвитии и спонтанности тех или иных общественных процессов люди всегда видели только угрозу. С большой натяжкой такой утопией можно считать лишь книгу Ф. Хайека о денационализации денег²⁶. Но сегодня в эпоху критики рационализма с особой ясностью ощущается абсурдность представления общества в виде единой слаженной организации. Поэтому спонтанные процессы стали восприниматься не столько как угрозы, сколько как некие зоны свободы, лежащие в основе социального развития.

²⁴ Хайек Ф. А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма. М.: Новости, 1992. С. 17.

²⁵ Шацкий Е. Утопия и традиция. М.: Прогресс, 1990. С. 33.

²⁶ Хайек Ф. Частные деньги. М.: Институт Национальной Модели Экономики, 1996.

Окончательное крушение тоталитаризма как «идеального» социального строя совпало с еще одним важным фактором формирования нового мышления – *процессом глобализации*. По существу этот процесс зародился давно и шел постепенно, открывая людям многообразие культур на Земле. (Можно сказать, что первым европейским «глобализатором» был Александр Македонский.) Но к концу XX столетия, как говорится, количество перешло в качество, и стало очевидным, что Западная цивилизация при всей своей привлекательности не является единственной и, главное, хотя и очень хочет, но не может задавать стандарты жизни для людей всей планеты. Глобализация обусловила возрастание потребности в идентичности (самобытности) конкретных обществ и сообществ и показала невозможность применения к ним единых критериев, какими бы универсальными они не казались.

Со времени самостоятельного существования социальных наук, каждая из них пыталась доказать свою научность, аналогичную научности естествознания, и создать обобщающую эмпирически обоснованную теорию, полностью объясняющую свой предмет. Однако ни математическое направление маржинализма в экономической теории, ни позитивизм в социологии, ни натурализм в политологии не смогли даже приблизиться к точности естественных наук и универсальности их постулатов²⁷. Напротив, всякий раз вместе с внедрением в повсеместную практику «универсальных идей» нарастающие негативные социальные явления постепенно разрушали веру в них и, наконец, разрушили совсем. Думать, что социальные субъекты подобны центрам тяжести в физике – слишком большое допущение. Общества, общности и другие социальные группы в социокультурном отношении слишком различны, чтобы их бытие подчинялось одним и тем же закономерностям. Поэтому сегодня никто уже и не пытается создать единую концепцию развития общества или даже отдельных его институтов.

Наверное, первыми, кто столкнулся с ограниченностью универсальных научных идей в современном мире, были менеджеры западных компаний, открывавших филиалы и представительства за рубежом. В отличие от экономистов, все еще веривших в то, что их наука похожа на математику и физику, а их рецепты процветания будут работать в любой стране, менеджеры на практике осознали недостаточность адаптации западных моделей и необходимость разработки особых подходов к работе с «инокультурным» персоналом. Если неолиберализм начала нового века все еще позиционировал себя в качестве некоей волшебной палочки, делающей любую страну благополучной и процветающей, то реально действующие менеджеры уже с начала 1980-х годов были вынуждены погружаться во все многообразие представлений людей различных национальных сообществ о работе, зарплате, карьере и пр. И они поняли, что научные идеи в социальной сфере дают ожидаемые результаты только в рамках определенных институциональных контекстов, а их на Земле множество.

Массовый скептицизм по отношению к традиционной науке во второй половине XX века был вызван пониманием того, что она, демонстрируя определенные успехи, не в состоянии решить фундаментальных проблем современности. Гуманное общество, даже на Западе, так и не построено, а в процессе хозяйственной деятельности человека возникает множество технологических, экологических и других рисков, которые, престав быть только предметом обсуждения ученых, вызывают тревогу у людей огромных регионов. Кроме того, с развитием средств массовой коммуникации современный человек получает во много раз больше негативной информации «в единицу времени». «Станным образом – пишет Л. Г. Ионин, – тотальное онаучивание мира сплошь и рядом приводит к результатам, противоположным тем, что имеют ввиду его сторонники. Так, невероятное усложнение технологических, экономических и социальных систем... приводит к тому, что они становятся непостижимыми и неконтролируемыми

²⁷ Культурология, сформировавшись в середине прошлого века усилиями постструктуралистов и постмодернистов и имея аксиологические основания, – единственная из социальных наук, которая не пыталась стать «точной». Не существует и современных всеобщих культурологических теорий, хотя в любом учебнике по культурологии изложены глобальные линейные, волновые и циклические модели развития культуры, созданные, начиная как минимум с XVIII века.

со стороны своих создателей и обретают собственные, незапланированные и неконтролируемые человеком способы деятельности.»²⁸

Переход общества от состояния модерна к новому состоянию знаменуется глубокими изменениями сущностного порядка, хотя и происходят они довольно медленно. «Постмодернизм рассматривается как феномен общественного сознания, порожденный распадом предшествующего типа сознания, в котором наука выступала в роли ядра и играла роль, аналогичную роли мифа и религии в прежние времена. Постмодернизм возникает как реакция на потерю наукой ее роли доминанты общественного сознания, как реакция на распад данной социокультурной матрицы. В свою очередь постмодернизм выступает и как важный фактор, усиливающий этот распад. Постмодернизм ставит под вопрос современную науку в ее двойной функции: и как особого, “привилегированного” способа познания, и как ядра современной или модернистской социально-культурной матрицы».²⁹

Возрастание недоверия к науке приводит к тому, что при столкновении с чем-либо неожиданным, непредсказуемым или непонятным обыденное сознание не апеллирует к ученым, а ищет чью-то скрытую злую волю. Всевозможные теории заговоров, тайных сговоров, законспирированных соглашений существуют, начиная с Античности. Но особый размах и особую фундаментальность они приобрели в эпоху постмодерна. Неслучайно книга А. Дугина о конспирологии начинается со введения с характерным названием «Конспирология – веселая наука постмодерна».³⁰

Понятие «постмодернизм» имеет несколько значений и употребляется довольно произвольно. С нашей точки зрения, прежде всего следует отличать модернизм и постмодернизм от модерна и постмодерна. В соответствии с привычным словоупотреблением, под модернизмом и постмодернизмом могут пониматься направления в культуре и искусстве (прежде всего, в литературе, архитектуре и изобразительном искусстве), а также идеология и социальная теория, включающая философские и конкретные социально-гуманитарные элементы. Понятиями «модерн» и «постмодерн» следует обозначать типы обществ с различной культурой и временные периоды их существования³¹.

Постмодерн как тип или состояние современного общества учеными оценивается по-разному. Точно так же, как и авторы теорий постиндустриализма, информационного общества и общества риска, постмодернисты делятся на два лагеря. Представители первого считают, что современное общество – это новое общество, качественно отличающееся от общества модерна, т. е. это в прямом смысле слова постсовременность. Представители второго лагеря отмечают, что, несмотря на значимые социальные изменения, которые происходят, начиная со второй половины прошлого века, культурный код современного общества в целом остается прежним. Поэтому, по удачному выражению Э. Гидденса, мы переживаем лишь стадию радикализации современности³².

Нет однозначного мнения и о том, считать ли постмодернизм скорее идеологией, чем социальной теорией, или наоборот. Дело в том, что акцент на критике модернистской науки многими постмодернистами приводит к тому, что в их теориях оказывается недостаточно собственного научного содержания, особенно касающегося методологии получения знаний и их верификации. С другой стороны, идеология как система взглядов, отражающая фундамен-

²⁸ Юшин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. Учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2000. С. 396.

²⁹ Чешков М. А. «Новая наука», постмодернизм и целостность современного мира // Вопросы философии, 1995. № 4. С. 26–27.

³⁰ См.: Дугин А. Г. Конспирология. М.: Арктогея, 2005.

³¹ Выделение модерна и постмодерна как сменяющих друг друга типов общества в целом соответствует таким градациям общественного развития как индустриальное и постиндустриальное общество в социальной теории, новое и новейшее время в истории.

³² См.: Giddens A. Consequences of Modernity. Stanford, California, 1990.

тальные интересы общества или социальной группы, не может не иметь научных оснований. Представляется, что эта проблема может быть решена с учетом разделения постмодернистских теорий на аффермативные (аффермация – позитивное высказывание), т. е. умеренно-критические, и радикальные – тотально критикующие возможности человеческого разума, научный метод и современное общество. Поскольку радикальный постмодернизм не столько создает новую научную систему, сколько подвергает сомнению «старую», он, видимо, ближе к идеологии, а аффермативный постмодернизм, предлагающий трансформацию науки с учетом уже имеющегося познавательного опыта, – ближе к социальной теории. Добавим также, что большинство «умеренных» постмодернистов придерживаются мнения о радикализации современности, а большинство «радикальных» – о наступлении пост-современности.

Пик интереса к постмодернизму на Западе пришелся на последнее десятилетие прошлого века, в России – на первое десятилетие века текущего. К настоящему времени страсти несколько улеглись, что позволяет посмотреть на постмодернизм, так сказать, более трезвым взглядом. Наш взгляд на постмодернизм будет заключаться в следующем. Во-первых, мы будем руководствоваться не буквой, но духом классических постмодернистских идей, т. е. по возможности отвлечемся от специфики позиций отдельных авторов и употребляемой ими специальной терминологии и сосредоточимся на методологических принципах, объединяющих всех или большинство постмодернистов. Во-вторых, попытаемся обосновать эти принципы более широко, используя аргументы из истории науки (прежде всего, социальной), и выявить взаимосвязь этих принципов. Это также позволит обнаружить аналогии с предшествующими концепциями и логику их развития в постмодернизме. В-третьих, нас будут интересовать не столько его методологические принципы сами по себе, сколько степень их согласованности с реальной социальной практикой, поскольку жизнь инициирует идеи, а идеи изменяют жизнь. В этом контексте мы будем использовать понятие «действенный постмодернизм».

Постмодернистская методология изначально была направлена на выявление недостатков и ограничений модернизма или традиционного научного познания. Последнее видело свою главную задачу, по терминологии М. Вебера, в расколдовывании мира. Поэтому в свое время модернизм (рационализм эпохи Просвещения) просто осмеял традиционное общество и его структуры, дискредитировал их. Мифу, традиции, всему преמודерну было отказано в праве на существование. Он был демонизирован как мракобесие, заклеен как реакция, отсталость, нецивилизованность, примитивность, архаизм. Фактически преמודерн как язык культуры был табуирован³³. Лишь в XX веке к этому «преодоленному» пласту культуры пробудился интерес, и оказалось, что современный человек и современное общество гораздо менее рациональны и гораздо более архаичны, нежели утверждали ученые-позитивисты и политики-либералы.

В связи с этим постмодернизм поставил под сомнение сами основы традиционного научного познания, указывая на то обстоятельство, что за его методологией стоят недоказуемые и даже неадекватные допущения.

Первое из таких допущений – *вера в объективность научного познания*. Если в области естественных наук такое допущение может быть оправдано, то в общественном познании ценностная составляющая, связанная с местом субъекта познания в социальном мире, исключительно важна. Своими предшественниками в этой критике постмодернисты считают марксизм и феминистские течения³⁴. В этих направлениях мысли признается существование различных методологий познания у представителей различных социальных групп.

³³ См.: Дугин А. Г. Дух постмодернизма и новый финансовый порядок // *Философия хозяйства*, 1999. № 1. С.95.

³⁴ Следует отметить, что еще в XVI в. образовательные установки иезуитов предполагали, что «объективное знание о мире и о себе должно быть ценностно окрашенным, вследствие чего отношение к миру у носителя такого знания будет волевым и активным». Котельников В. Пламенный реакционер // *Жозеф де Местр. Сочинения* / Пер. с фр. А. П. Шурбелева. СПб.: «Владимир Даль», 2007. С. 11.

У классиков (Гоббса, Локка, Руссо, Смита, Миля и др.) мир познавал отдельный человек (ученый) как представитель всего человечества. Это было прямое заимствование методологического объективизма естественных наук, в соответствии с которым не имело значения, кто открыл закономерности движения небесных тел или размножения мухи дрозофилы – немец или русский, богатый или бедный, мужчина или женщина. Однако К. Маркс показал, что при изучении социального мира это не так, и разработал политическую экономию, сознательно ориентированную на интересы пролетариата. А радикальный феминизм 60–80-х годов XX века объявил всю предшествующую цивилизацию «цивилизацией самца» и призвал избавиться от мужского господства. Поэтому ученый должен сознательно выбирать угол зрения на социальную реальность, исходя из классового или гендерного деления общества.

Постмодернизм доводит эти взгляды до логического конца, утверждая, что не группы людей, а отдельные личности являются носителями специфических методологий познания. По большому счету у каждого человека есть своя философия, своя экономика и своя социология. Это означает, что знания и идеи не могут анализироваться или встраиваться в некую более общую структуру без учета индивидуальностей их создателей.

Второй постулат традиционного научного сознания, критикуемый постмодернистами, – *рациональность познания*, т. е. сознательное удаление учеными из этого весьма сложного процесса не только ценностных ориентаций, но и эмоций, стереотипов, предрассудков. Реальный же образ мира, имеющийся у каждого конкретного человека, изобилует иррациональными элементами. При этом, например, эмоция может заменить тысячи бит содержательной информации. Поэтому рационально выстроенная иерархия идей является неадекватной ментальной моделью представления мира; ею должна стать обобщенная ценностно и эмоционально насыщенная картина индивидуальных сознаний. Язык для ее отражения должен принципиально отличаться от традиционного языка, которым пишутся научные трактаты, претендующие на объективность и рациональность. Это должен быть язык близкий к художественному, язык, отражающий различные точки зрения и способный передавать, наряду с рациональными, иррациональные аспекты познаваемого. «Постмодерн возвращает человеку множество миров, но это его собственное множество миров, которое ему не навязано ни богом, ни природой. Божий мир, также как и объективный мир модерна, – лишь элементы этого множества»³⁵.

В качестве третьего объекта критики постмодернисты избрали *катеорию истины в ее традиционном понимании* – как соответствие мысли своему предмету. Вера в единство истины (хотя бы она и имела множество проявлений) являет собой и силу, и слабость традиционного научного познания. С одной стороны, она предоставляет возможность до конца раскрыть потенциал логических умозаключений и вывести максимум полезных для человечества следствий. С другой стороны, она резко сужает горизонт исследования, отсылая в случае сомнений и споров к одной единственной максиме, а ее фальсификация, по мнению Т. Куна, с необходимостью приводит к научным революциям³⁶.

Модернистское представление о единстве истины является базовой предпосылкой для существования иерархий, в том числе и в обществе: обладая истиной, вышестоящие подчиняют себе нижестоящих. Постмодернистский процесс познания представляет собой вечный поиск истины на основе столкновения различных идей. Аналогией этого процесса может служить функционирование рынка. Истина на рынке предстает в виде того самого равновесия, к которому рынок постоянно стремится, но которого никогда не достигает. Истина не абсолютна, она имеет временные границы и обусловлена ее носителем. Поэтому, по сути, постмодернизм мыслит по рыночным законам.

³⁵ Ионин Л. Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие: Учеб. пособие для студентов вузов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Логос, 2000. С. 410.

³⁶ См.: Кун Т. Структура научных революций. М.: «АСТ», 2003.

В связи с этим постмодернисты утверждают, что истин бесконечно много – их столько же, сколько и людей. Фактически, это следствие первого критического постулата: если у каждого человека есть своя философия, то должна быть и своя истина. Истина не есть стабильная точка, это некое зыбкое пространство, в которое может попасть отдельное сознание, сравнивая точки зрения различных людей, их образы мира. Истина заключается в столкновении идей, а не в доминировании одной из них. Если традиционная наука стремится показать, что все возможные ситуации ей известны или со временем будут известны, поскольку она владеет истинами, лежащими в основании мира, то постмодернизм исходит из непредсказуемости «завтра», которое, однако, позволяет использовать открывающиеся благоприятные возможности.

Критикуют постмодернисты и *практическую направленность традиционной науки*, вполне резонно обращая внимание на негативные аспекты реализации научно обоснованных социальных проектов. Пожалуй, наибольшей критике подвергается теория и практика менеджмента, который, по мнению постмодернистов, воплотил в себе все недостатки, возникающие при использовании традиционных научных методов для воздействия на человека и социальную реальность. Менеджмент признается ярчайшим воплощением того, что Ю. Хабермас называл «верой, вдохновленной модернистской наукой, в бесконечный прогресс знания и бесконечное продвижение к социальному и моральному усовершенствованию»³⁷. Постмодернисты не только выражают сомнение в полезности управленческой теории, но и вообще отказывают ей в праве называться наукой. Основная причина этого – частный характер ее теоретических положений и рекомендаций. Однако сегодня управленческое образование и консалтинговые фирмы преподносят эти положения так, как если бы они были универсальными инструментами, аналогичными законам естественных наук, открытие которых под силу только компетентным ученым³⁸.

Идейной (философской) предтечей постмодернизма является постструктурализм, в котором отразилось разочарование в науке, социальном прогрессе и массовой культуре второй половины XX века. Постструктурализм акцентировал внимание на текстуальности социальности, «классовости» ее восприятия, ее ризомности³⁹ (нелинейности и неиерархичности), неразделимости означаемого и означающего (содержательной и чувственно воспринимаемой сторон знака), игровом отношении к логосу. Родство постструктурализма и постмодернизма настолько близко, что большинство их крупных представителей невозможно однозначно отнести к тому или иному лагерю.

Наиболее общей методологической установкой постмодернизма является *предельный либерализм*, который проявляется в максимальной свободе самовыражения авторов, отрицающих любые каноны. Постмодернизм выступает против любой упорядоченности и за оригинальность любого текста как результата индивидуальных самовыражений его создателей (авторов и читателей). Вследствие этого постмодернистская социальная теория не обладает цельностью, а представляет собой нечто подобное зонтичному бренду или интеллектуальной тенденции. Разнорядность идей и отсутствие единой терминологии приводит к тому, что исследователям приходится анализировать не постмодернизм в целом, а его наиболее заметные персоналии⁴⁰. В лучшем случае делаются более или менее удачные попытки типологизации постмодернист-

³⁷ Habermas J. Modernity versus Postmodernity // New German Critique, 1981. № 22. P. 4–5.

³⁸ См.: Cunnigham I. Beyond Modernity Is Post-Modernism Relevant to Management Development // Management Education and Development Conference (paper abstracts), 1990. Vol.21. № 3. P. 207–218.

³⁹ Ризома (фр. *rhizome* – корневище) у Ж. Делеза и Ф. Гваттари – клубнеобразное корневище или грибница как метафора реальности.

⁴⁰ Однако и на этом пути возникают немалые трудности. Например, такие крупные фигуры, как Ж. Бодрийяр и М. Фуко, не говоря уже о менее заметных, не относят себя к постмодернистскому направлению, хотя их тексты и имеют все его основополагающие признаки.

ских теорий, но попытки не частые⁴¹. Тем не менее, постараемся показать, что, несмотря на оригинальность работ постмодернистских авторов, они руководствуются вполне согласованной системой методологических принципов.

Их рассмотрение следует начать с принципа агностицизма, который может трактоваться в очень широком диапазоне значений – от принципиальной непознаваемости мира в философии до непризнания данных, не подтвержденных опытом, в науке. В данном случае агностицизм выступает в форме *фаллибилизма*. Само это понятие еще в позапрошлом веке было введено в научный оборот Ч. С. Пирсом. После Второй мировой войны оно активно разрабатывалось К. Поппером, а затем в 1960-е годы постпозитивистами. Содержание слова «фаллибилизм» (от лат. *fallibilis* – подверженный ошибкам, погрешностям, «погрешимый») можно передать крылатой фразой: «Человеку свойственно ошибаться»⁴². Применительно к науке это означает, что «связь между явлениями жизни никогда до конца не будет доступна пониманию, а, следовательно, и рационализации»⁴³. Поэтому научная деятельность представляет собой бесконечный процесс приближения к истине, и его результаты, какими бы они не были очевидными, устойчивыми или широко разделяемыми, абсолютизировать не следует. Любое научное знание принципиально не является окончательным (или является принципиально частичным) – оно есть лишь промежуточная интерпретация истины, за которой последуют ее новые интерпретации, вероятно, более адекватные. По К. Попперу, хотя наука и «принципиально погрешима», но она, тем не менее, дает основания оценивать теории с точки зрения их близости к истине.

Один из наиболее радикальных взглядов на познаваемость мира, вернее, на его непознаваемость, принадлежит Ж.-Ф. Лиотару, по мнению которого, социальная жизнь, включая научную – это совокупность дискурсов, являющихся социально обусловленными речевыми практиками. По форме дискурсы представляют собой гетерогенные языковые игры, правила которых различны для различных языковых ситуаций и в результате перекодировок и взаимных провокаций постоянно изменяются. Поскольку дискурсы не подчиняются никакому «метаязыкальному», научный дискурс направлен не на поиск и нахождение консенсуса (аналога истины), а на спор различных точек зрения. Локальный консенсус в принципе возможен, но только как определенный момент дискурса вследствие временного согласия носителей точек зрения относительно правил, по которым производится знание. Результатом научного дискурса являются паралогия (заблуждение), а также – и это главное – новые точки зрения⁴⁴.

По мнению постмодернистов, все, в буквальном смысле этого слова, течет и постоянно изменяется, поэтому однозначность, монизм и статика для них неприемлемы, а определение понятий непродуктивно. Тем не менее, попытаемся дать некую объединяющую интерпретацию весьма различных пониманий дискурса, текста и нарратива. Дискурс можно обозначить как речевую деятельность по воспроизводству текстов – речевых актов и собственно текстов, – отражающих систему понятий, существующую в определенной сфере, социокультурный контекст (ценности, верования, представления, эмоциональные оценки) и практический жизненный опыт.

Таким образом, дискурс есть способ представления реальности, метод изложения, то, как воспроизводится и воспринимается текст (Р. Барт). Следуя логике Ю. Лотмана, все тексты можно разделить на статические и динамические. Статические тексты, такие как молитвы

⁴¹ См., например: Чудова И. А. Постмодернизм в социологической теории: теоретико-методологический анализ. Дис. ... канд. социол. наук. М., 2015.

⁴² Существует и более широкое понятие – «пробабиллизм» (от лат. *probabilis* – вероятный) как вероятностный стиль мышления, находящийся в оппозиции к его детерминистскому стилю.

⁴³ Поппер К. Открытое общество и его враги. В 2 тт. / Пер. с англ. под общ. ред. В. Н. Садовского. М.: Культурная инициатива; Феникс, 1992. Т.2. С. 427.

⁴⁴ См.: Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Пер. с фр. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. С. 156.

или статьи в справочнике, не имеют сюжета, динамические – имеют его. Динамические тексты иначе именуется нарративами – историями, повествованиями, рассказами. Нарративы, претендующие на универсальность в представлении картины мира, глобальные объяснительные системы, организующие общество и оправдывающие его существование, Ж.-Ф. Лиотаром были названы метанарративами. При этом Лиотар определял постмодернизм (правда, «упрощая до крайности») ни больше ни меньше как недоверие к метанарративам⁴⁵, поскольку они, удовлетворяя потребность в целостном непротиворечивом мировоззрении, в сущности мифологичны и порождают культы идей, вещей и людей⁴⁶. С Лиотаром солидарны З. Бауман, М. Фуко (борется с «тотальными дискурсами»), Ч. Дженкс, (развенчивает «метадискурсивность»), В. Набоков (критикует «большие идеи») и многие другие мыслители. К критике метанарративов примыкает критика метакода, монопозы, универсального или совершенного языка отражения реальности Ч. Дженксом, Ю. Лотманом, М. Эпштейном.

Тем самым мы уже рассматриваем следующий постмодернистский принцип – *принцип дискурсивности*. Однако прежде чем подвергнуть его критическому анализу, следует ответить на более общий вопрос о причинах пристального внимания современных социальных философов к языку и тексту. Раскроем лишь три из этих причин.

Во-первых, хотя до сих пор и не ясно, как сформировался речевой аппарат человека, позволивший ему произносить множество членораздельных звуков, но оказалось, что без него не было бы и сознания⁴⁷

⁴⁵ См.: Лиотар Ж.-Ф. Указ. соч. С. 10.

⁴⁶ Однако прощание с большими мифами не означает прощания с мифологией вообще. Согласно тому же Лиотару, в современной социальной жизни большие мифы расщепляются на локальные, появляются и новые мифы-симулякры, например, институты всевозможных «звезд» или «квазиэпосы» Р. Толкиена и Дж. Роулинг.

⁴⁷ См.: Иванов В. В. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Советское радио, 1978; Курчатов Н. А. Антропология и концепции биологии. СПб.: Литагент «СпецЛит», 2007; Линден Ю. Обезьяны, человек и язык. М.: Мир, 1981; Пинкер С. Язык как инстинкт. М.: Эдиториал УРСС, 2004; Соссюр Ф. Курс общей лингвистики. М.: Либроком, 2014; Хомский Н. Картезианская лингвистика. М.: КомКнига, 2015.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.